

Царство Чжу раскинулось на суровом севере, да и саму его столицу, величественную Восточную столицу, заложили в верхней части обширных имперских земель. Поэтому, несмотря на наступившее начало весны, деревья все еще стояли обнаженными и унылыми; лишь на самых кончиках ветвей робко проглядывала первая зелень, словно не решаясь явить себя холодному миру.

Будучи сильнейшим среди пяти великих держав, Чжу славилось неодолимой мощью и зажиточностью своего люда. И пусть в последние годы нынешний император все глубже погрязал в непомерной роскоши, прочный фундамент государства оставался незыблемым — по крайней мере, внешне никаких признаков упадка не замечалось. Восточная столица же, как и подобает сердцу империи, и вовсе поражала великолепием.

В самом центре города возвышался монументальный императорский дворец, а в нескольких ли от его крепостных стен теснились роскошные усадьбы. Ближе всех к дворцовым воротам располагалась резиденция наследного принца. Остальные поместья принадлежали влиятельным сановникам и были пожалованы им лично государем. Здесь же жил и вице-канцлер второго ранга, по совместительству занимавший должность великого наставника наследного принца, — Лян Хэчан.

От шумных торговых кварталов эти тихие улочки отделяла лишь пара переулков, но аппетитный аромат свежих паровых баоцзы долетал сюда едва уловимым отголоском. Резкий весенний ветер безжалостно рассеивал тепло, унося остатки запахов прочь, так что в нос проникал лишь чистый холод. От этого морозного воздуха дыхание перехватывало, а лицо быстро немело.

Ранним утром, когда небо еще только начинало светлеть, перед воротами резиденции наследного принца опустились легкие носилки.

Слуги прижали оглобли к земле, занавес приподнялся, и из паланкина поспешно вышел человек в повседневном одеянии глубокого темно-синего цвета.

Смуглый, с плотно сжатыми в тонкую линию губами, он нес на челе глубокие складки — следствие многолетней привычки хмуриться. Ввалившиеся глазницы скрывали в тени живой блеск его глаз, мешая разгадать истинные помыслы этого крайне скрытного и расчетливого мужа.

Промозглым рассветом Лян Хэчан проделал путь сквозь плотный сырой туман. На алых воротах усадьбы медный лев, склонив голову, сжимал в пасти такое же кольцо. Не успел гость поднять руку, чтобы постучать, как створка бесшумно отворилась.

Привратник при виде вице-канцлера почтительно поклонился.

— Господин Лян, прошу вас, проходите. Его Высочество ожидает вас в кабинете.

Лян Хэчан коротко кивнул и торопливо пошел по крытым галереям, пересекая просторный двор. За три шага до дверей кабинета он остановился, оправил полы халата и трижды четко постучал в косяк.

— Ваше Высочество, подданный ваш Лян Хэчан просит дозволения войти.

— Входи.

Резные деревянные двери распахнулись. Из-под приподнятой тяжелой портьеры навстречу пахнуло сухим жаром. Окатившее Лян Хэчана тепло мигом вернуло чувствительность онемевшему на морозе носу, а в горле предательски запершило. Обернувшись, чтобы закрыть дверь, он поспешно прикрыл рот рукавом, подавляя готовый вырваться кашель, и лишь вернув самообладание, чинно прошествовал во внутренние покои и склонился в глубоком поклоне.

— Ваш покорный слуга Лян Хэчан приветствует Ваше Высочество.

— Встань. — Голос ответившего звучал хрипло и неровно, со странными ломающимися нотками, какими обычно говорят подростки на пороге зрелости. Этот тон не был отталкивающим, однако от него веяло едва уловимым неестественным холодком.

И исходил этот холодок от самой натуры говорившего.

Лян Хэчан послушно выпрямился.

Наследный принц восседал за длинным письменным столом. Одетый в белоснежный халат, отороченный по вороту пушистым мехом, он казался болезненно бледным. Острые скулы резко выдавались на лице, а узкий, словно выточенный резцом подбородок тонул в мягком ворсе.

Казалось бы, наследник престола, выросший в неге и холе, окруженный заботой лучших лекарей, не должен выглядеть столь чахлым. Однако этот юноша вечно казался угасающим. Сколько бы прославленные светила из Императорской медицинской палаты ни щупали его пульс, они не находили явного недуга, а потому лишь разводили руками, списывая все на врожденную слабость духа и плоти.

Прежде император души не чаял в старшем сыне, и лишь появление на свет младшего немного охладило эту любовь.

У правителя Чжу, Цзин Хуайвэня, было всего двое сыновей. Старший, Цзин Яньфэн, едва перешагнул двадцатилетний рубеж и носил титул наследного принца; младший, Цзин Яньшо, только-только дожил до четырех лет.

Цзин Яньфэн всегда отличался непомерным честолюбием. Но покуда он оставался единственным престолонаследником, ему не приходилось совершать безрассудств. Все

изменилось несколько лет назад, когда императорская благородная супруга разрешилась от бремени вторым принцем. С тех пор взор государя перестал принадлежать одному лишь первенцу. Постепенно внимание отца рассеялось. И хотя мыслей о низложении законного наследника ради малютки-брата у императора не возникало, подозрительный и мнительный нрав Цзин Яньфэна — точь-в-точь как у его родителя — не давал ему покоя. За считанные годы в душе принца укоренилась глухая обида, переросшая в тревогу при виде того, как нежно отец ласкает младшего сына.

Нынешний император был еще крепок телом и духом, и никто не знал, сколько зим ему предписано провести на троне. Что, если за это время подрастет второй принц? Что, если появятся третий и четвертый? Тогда судьба престола повиснет на волоске.

Чтобы предупредить беду, наследник решил не дожидаться милости от неба и задумал силой забрать то, что считал своим по праву. Стоило этой мятежной мысли зародиться в его голове, как Лян Хэчан тут же почувствовал перемену и, не теряя времени, присягнул принцу на верность.

Так вице-канцлер стал доверенным лицом и главным советником бунтующего престолонаследника, с которым тот делился любыми вестями.

«Узурпация» и «мятеж» — слова грязные, как их ни преподноси.

Однако историю пишут победители, а победителям негоже спотыкаться о подобные мелочи. Первым же шагом на этом тернистом пути должно было стать устранение Павилона Небесной Оси, и прежде всего — его главы, Сюнь Хайши.

Подняв голову после приветствия, Лян Хэчан заметил стоявшую поодаль у стола фигуру, с ног до головы облаченную в глухое черное одеяние.

Этот человек явно только что вернулся из долгого пути и даже не успел сменить дорожное платье. От него веяло дорожной пылью и тем пронизывающим холодом, что царит на стыке зимы и весны. Казалось, он слишком долго пробыл на ледяном ветру, и теперь даже весело потрескивающий в комнате очаг не мог растопить сковавшую его стужу.

Лян Хэчан сразу узнал его. И от этого узнавания морщина на лбу старого сановника прорезалась еще глубже.

— Позвольте спросить, когда страж Чэн вернулся в столицу? — с недоумением обратился он к прибывшему. — Удалось ли разрешить все дела в Юнчжоу без лишнего шума?

— Как раз об этом мы и ведем речь, — отозвался принц. — В Юнчжоу все пошло наперекосяк. Чэн Пу уже поведал мне в общих чертах о случившемся, теперь послушай и ты. Расскажи-ка все без утайки еще раз.

Человек в черном был не кем иным, как Чэн Пу — тем самым стражем, что вел опасную игру против Сюнь Хайши в Юнчжоу.

Чэн Пу почтительно склонил голову:

— Изначально я отправился вместе со старшими молодыми господами Лян, дабы разыскать и вернуть в столицу их младшего брата. Однако по прибытии к Юнчжоу мы обнаружили, что город наводнен бродягами из Цзянху. Опасаясь, как бы эти смутьяны не навредили господам Лян, мы не решились сразу войти в город и заночевали на постоялом дворе у заставы. Место это бойкое, проезжих там всегда в избытке, так что выведать слухи не составило труда. И среди прочего мы узнали весьма любопытные вещи. Неподалеку от Юнчжоу высится Хребет Воющих Ветров. Из неведомого источника поползли слухи, будто бы Сюнь Хайши нашел там древний клад и сгинул прямо в тех горах. Это известие и завлекло туда толпы искателей наживы.

— Так что же с самим Сюнь Хайши? Он мертв? И почему Сюэ Ли не вернулся вместе с тобой, чтобы держать ответ? — поспешно спросил Лян Хэчан.

Наследный принц мерно постукивал тонкими пальцами по лакированному дереву столешницы. Он лишь слегка склонил голову набок, не выказав недовольства тем, что наставник перебил докладчика, и едва заметным движением подбородка велел стражу отвечать.

— В народе болтают, будто глава ордена Сюнь испустил дух на Хребте Воющих Ветров, а труп его растерзали дикие псы, оставив лишь обглоданные кости, — бесстрастно произнес Чэн Пу.
— Однако верить этим басням на слово нельзя — ни свидетелей, ни улики нам найти не удалось.

Принц подпер рукой щеку и устремил пристальный взгляд на Лян Хэчана:

— Уважаемый наставник, то снадобье, что вы передали... Что это за яд и способен ли он наверняка лишить человека жизни?

Лян Хэчан со вздохом покачал головой:

— С самого начала мы не рассчитывали, что этот удар убьет Сюнь Хайши на месте. Мои доверенные люди во дворе донесли, что Его Величество давно испытывает к главе Павильона Небесной Оси глубокое недоверие и тайно травит его пищу. Тот яд дремлет в теле годами, не выдавая себя ни единым признаком. Но когда император решит, что пришло время, ему достаточно будет дать жертве особую приманку-проводник — и неугодный упадет замертво, не заставив государя пролить ни капли крови своих солдат.

— И снадобье, полученное вами, было тем самым проводником?

— Не совсем. Поскольку нам неизвестен точный состав императорского яда, я обратился к

одному искусному лекарю из Цзянху, промышляющему ядами. По описанию дворцовых слуг тот сумел составить средство, способное потревожить затаившуюся отраву. Это была лишь проверка — мы хотели убедиться, действительно ли Сюнь Хайши носит в себе императорский приговор.

Принц удовлетворенно кивнул.

Даже если это средство не свело Сюнь Хайши в могилу, посеянный между ним и государем раздор уже можно считать великой победой. Цзин Яньфэн, не знавший в своей жизни бескорыстной преданности, просто не мог вообразить, что человек способен покорно сносить медленную смерть от руки господина и продолжать служить ему верой и правдой.

— Выходит, приманку Сюнь Хайши принял, но выжил ли он после этого — загадка? — спросил принц у Чэн Пу.

— Все именно так, — ровным голосом подтвердил страж.

В кабинете воцарилось молчание.

Принц задумчиво опустил глаза, а затем указал Лян Хэчану на резное кресло у стены:

— Присядьте, наставник. Сегодня день отдыха, во дворец идти не нужно, так что мы можем обсудить дела без спешки.

Лян Хэчан сотворил церемонный поклон и опустился на указанное место.

— С делами Сюнь Хайши пока повременим, — продолжил принц, когда старик устроился в кресле. — Ежели он жив, то его возвращение все прояснит. После случившегося, даже если он догадается о нашей причастности к отравлению, у него вряд ли останутся силы мстить нам.

В конце концов, какая разница, кто поднес чашу, если варил зелье сам владыка? Сюнь Хайши первым делом придется разбираться с тем, кто обрек его на смерть.

— Что же до участи вашего младшего сына... — принц на мгновение смягчил тон. — Прошу вас, не убивайтесь так, наставник. Мы призовем лучших монахов, дабы те сотворили заупокойные молитвы и облегчили его душе путь в Чистую Землю.

Лян Хэчан лишь покорно склонил голову. На его лице не отразилось ни тени скорби, приличествующей отцу, потерявшему дитя, ни жажды мести. Он слушал эти соболезнования с таким безучастием, точно речь шла о чужом, совершенно безразличном ему человеке.

Чэн Пу не было дела до чувств старого сановника. Поймав одобряющий взгляд принца, он

продолжил:

— Позабывшись о безопасности старшего молодого господина Ляна, я принялся разузнавать подробности. Та несчастная душа, которую власти Юнчжоу поспешили объявить убийцей вашего сына, оказалась лишь заезжим бедолагой. Местным чинушам просто нужно было поскорее отчитаться перед Восточной столицей, вот они и назначили первого встречного виновным. На самом же деле тело младшего господина нашли далеко за городской чертой. Я намеревался лично осмотреть останки в поисках зацепок, однако, не успев приблизиться к временной усыпальнице, увидел полыхающее пламя. Когда я подоспел, здание уже вовсю горело, а посреди этого ада молча стоял Сюэ Ли.

— Что это значит? — Лян Хэчан нахмурился. — Мы посылали Сюэ Ли разделаться с Сюнь Хайши! Как он оказался замешан в гибели моего сына?

— Не волнуйтесь, наставник, выслушайте его до конца, — примиряюще повел рукой принц.

Лян Хэчан умолк, не сводя со стража выжидающего взгляда.

— Весь двор был усеян трупами, — ровным голосом вещал Чэн Пу. — Судя по одеждам, это были охранники загородной усадьбы. Кто лишил их жизни и за что — неведомо; к моему приходу они все были мертвы. Лишь Сюэ Ли стоял посреди этого пепелища.

Здесь страж сделал выверенную паузу, искусно изобразив на лице тень недоумения:

— Перед тем как броситься прямо в бушующий огонь, он произнес лишь одну фразу. И сгорел дотла вместе с останками молодого господина Ляна.

— И что же это были за слова? — быстро спросил Лян Хэчан.

— Он сказал: «За все воздастся».

Эти три слова ударили Лян Хэчана точно гром среди ясного неба. Он оцепенел от потрясения, а пальцы судорожно впились в деревянные подлокотники кресла с такой силой, что те натужно затрещали.

В это мгновение он позабыл обо всем: о том, что находится в покоях наследника престола, о присутствии самого принца и о том, что перед ним стоит всего лишь безликий исполнитель чужой воли.

Короткая фраза набатом гудела в его голове, кружилась навязчивым шепотом злого духа, заглушая любые звуки внешнего мира. Лишь спустя долгое время сквозь этот морок прорвался обеспокоенный голос принца.

— Наставник! Господин Лян, вам нехорошо? Может, позвать лекарей? — Цзин Яньфэн уже поднялся со своего места и теперь стоял перед ним, тревожно заглядывая в лицо.

Лян Хэчан был бледен как полотно, его блуждающий взгляд с трудом сфокусировался на принце, когда тот повторил свой вопрос.

Старик судорожно сглотнул, утер выступивший на лбу холодный пот и, подавив бушевавшие в душе чувства, поднялся с кресла.

— Простите мне мою минутную слабость, Ваше Высочество, — пролепетал он, низко склонив голову. — Ваш покорный слуга просит покорнейше простить его непочтительность.

Цзин Яньфэн отступил на два шага назад, не спуская глаз со своего наставника.

С самых юных лет, едва переступив порог княжеской школы, принц привык видеть Лян Хэчана подле себя. По правде говоря, с этим стариком он провел куда больше времени, нежели с собственным отцом-императором. Лян Хэчан заменил ему строгого учителя и заботливого родителя: он не только обучил его грамоте, но и направлял на самых крутых поворотах судьбы.

И за все эти годы принц впервые видел своего наставника столь глубоко потрясенным.

Юноша молча созерцал согбенную фигуру старика. Наконец он протянул руку, бережно поддержал Лян Хэчана под локоть и со вздохом произнес:

— Учитель, к чему эти церемонии между нами? Я знаю, какая тяжкая доля выпала на вашу долю с гибелью Лян Хунцзе. То, что вам не удалось вернуть даже прах несчастного, ранит ваше сердце, однако вы должны беречь себя ради общего дела. Лян Хунцзе был еще дитя, по неразумию своему он мог невзначай разгневать какого-нибудь безжалостного человека, что и погубило его. Но вы можете быть спокойны: я непременно докопаюсь до правды.

Позволив принцу помочь себе подняться, Лян Хэчан вновь обрел привычное хладнокровие. Лишь покрасневшие белки глаз да задрожавшая влага на ресницах выдавали его волнение.

Губы его беззвучно шевельнулись несколько раз, прежде чем он, сокрушенный горем, точно настоящий отец, потерявший любимого сына, хрипло вымолвил:

— Умоляю Ваше Высочество... восстановите справедливость ради моего покойного мальчика!

С этими словами он опустился на колени и отвесил принцу глубокий, почтительный поклон.

На этом его участие в беседе подошло к концу. Чэн Пу стоял в стороне, бесстрастно созерцая трогательную сцену преданности слуги господину. Он едва сдерживал зевоту, сохраняя на

лице выражение суровой покорности, приличествующее верному псу-теневику. Стоило принцу сделать едва заметный знак глазами, как страж почтительно поклонился и направился к выходу.

Но едва его рука коснулась тяжелой портьеры, в памяти Чэн Пу всплыл образ женщины, которую Сюнь Хайши так упорно защищал перед их расставанием в Юнчжоу. Страж хитро сощурился.

«Просто так отпустить главу Сюня было бы слишком скучно».

Жажда устроить знатную заваруху пересилила осторожность. Чэн Пу помедлил мгновение, подавил злорадную ухмылку и обернулся к принцу с предельно серьезной миной:

— Ваше Высочество, дозвоьте доложить еще кое-что. В загородной усадьбе молодого господина Ляна в Юнчжоу было немало слуг и наложниц. Из бушующего пламени мне удалось вызволить нескольких несчастных... Позже они были временно размещены в боковых пристройках. Некоторых девиц из приличных семейств, по фамилии Чжан и Лю, я уже распорядился вернуть родителям. К счастью, все они запуганы до смерти и вряд ли станут болтать лишнее.

Услышав этот поток пустых подробностей, принц небрежно махнул рукой, давая понять, что подобные мелочи его мало заботят.

Однако Чэн Пу нарочно опустил голову, делая вид, что не замечает недовольства господина, и настойчиво продолжал:

— Помимо местных девиц, среди спасенных оказалась одна деревенская баба, жившая за городской чертой. Она пребывала в крайнем смятении и даже наотрез отказалась от предложенного серебра. Опасаясь, как бы она не навлекла на нас беду своими криками, я счел за лучшее лично проводить ее до дома. Обычная темная крестьянка, едва ли от нее стоит ждать серьезных хлопот.

— Довольно. Решай эти мелкие вопросы сам, ступай, — раздраженно бросил принц. Он никак не мог взять в толк, с чего бы обычно столь сдержанному и понятливому стражу пускаться в столь пустые и незначительные объяснения, попросту растрачивая драгоценное время.

Прекрасно уловив гневные нотки в голосе хозяина, Чэн Пу согнулся в глубоком поклоне:

— Слушаюсь. Позвольте мне через какое-то время навеститься к этой крестьянке, Сюй Наньжун, дабы убедиться, что она не затеет смуту и не потревожит покой усопшего молодого господина Ляна.

Закончив речь, он развернулся и стремительно выскользнул за дверь, не дав принцу вставить

ни слова.

Конечно, никаких девиц по фамилии Чжан или Лю не существовало в помине — весь этот вздор был придуман лишь ради того, чтобы как бы невзначай назвать имя деревенской вдовы.

Едва резная створка закрылась за его спиной, с лица Чэн Пу мигом слетела маска рабской покорности. Заложив руки за спину, он неспешно зашагал по мощеному двору, прикидывая в уме, что Сюнь Хайши и его спутники уже должны быть на подходе к Восточной столице.

Довольно усмехнувшись, страж беззвучно свистнул и в одно мгновение растаял в утренней дымке.

Ветер мягко шелестел оголенными ветвями деревьев. Солнце лениво катилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, когда из лесной просеки на торный тракт неторопливо выкатилась невзрачная повозка.

Возница, сплошь покрытый серой дорожной пылью, сидел с мрачным лицом и без умолку ворчал себе под нос что-то нечленораздельное. Но стоило ему прищуриться и разглядеть сквозь сплетение ветвей массивные очертания городских ворот Восточной столицы, как из его груди едва не вырвался вопль облегчения.

Сидевший рядом спутник вовремя удержал его за плечо, а затем обернулся к занавешенному окну экипажа:

— Глава ордена, мы подошли к границам Восточной столицы. Будем входить в город сейчас?

— Куда спешить? — раздался изнутри ответ.

Этот голос вовсе не походил на те суровые и твердые интонации, каких можно было бы ожидать от грозного предводителя. Он звучал легко, чуть насмешливо, а последнее слово словно зависло в воздухе изящным росчерком, невольно будоража воображение слушателей.

Но сколь бы мягким ни казался этот вкрадчивый тон, никто из сопровождавших повозку воинов не посмел бы счесть его обладателя слабаком.

Ляо Лу и У Фэн разом прикусили языки. Наступившую тишину вновь нарушил голос из кареты, однако на сей раз говоривший обращался вовсе не к ним.

— Господа хорошие, вы проделали столь долгий путь вслед за нами до самых городских ворот, — громко произнес Сюнь Хайши. — Уж не пора ли явить себя миру? Или вы рассчитываете

совершить свое темное дело прямо на столичных улицах? Под самым взором Сына Неба... Хвалю за безрассудную отвагу, не думал, что найдутся столь отчаянные безумцы.

Внутри экипажа Сюнь Хайши небрежно грел пальцы о бронзовую жаровню-грелку. Он слегка прищурился, а весь его облик дышал сонной безмятежностью.

А за стенами повозки по-прежнему стояла глубокая тишина. Кругом не было видно ни души, точно все эти грозные речи были лишь плодом праздного воображения молодого господина.

Внутри тесного экипажа, помимо самого главы ордена и молчаливого Се Юйсуя, сидел еще и лекарь Ли Ланьтин, которого они выбрали по дороге в столицу.

Не понимая истинной сути происходящего, Ли Ланьтин невольно вздрогнул от внезапного окрика Сюнь Хайши. Он замер в напряженном ожидании, но, не дождавшись никакого ответа извне, уже приоткрыл рот, собираясь спросить, не вышло ли тут какого недоразумения. Однако не успел он издать ни звука, как рука молодого господина Сюня молниеносно взметнулась к шее Се Юйсуя. В следующее мгновение Сюнь Хайши отпрянул, и между его пальцами зловеще блеснули две тончайшие серебряные иглы, кончики которых были смочены какой-то мутной жидкостью.

Сюнь Хайши слегка прищурился и скользнул взглядом по лицу Се Юйсуя, который, едва избежав смертоносного удара, даже бровью не повел.

— У меня, видишь ли, есть две скверные привычки, — с тихой улыбкой произнес глава ордена.
— Первая — поступать исключительно по собственной прихоти: те, кого я счел заслуживающими гибели, никогда не увидят следующего рассвета. А вторая... я до крайности ревностно оберегаю то, что принадлежит мне.

— Мои люди неприкосновенны. И горе тому, кто посмеет тронуть хотя бы волосок на их голове.

<http://bllate.org/book/20070/2001647>